

Не каждого в страхе молитва спасала,
Но небо ко мне снизошло.
Наемники здесь – за бабло эмиссаров,
А мы – непонятно за что.

За горную нефть на плацдарме России
И этнос драчливых племен?..
Здесь логово всей демонической силы,
Которой Кавказ наделен.

И мой автомат доходил до горячки,
Сжирая рожок за рожком
Продали! Подстава! У этой болячки
Диагноз до боли знаком.

Откуда известны и место, и сроки?
Понятно! Пойди – докажи.
У нашей страны не такие пороки
Скрывают в Кремле стеллажи.

А здесь укрывают деревья и бревна –
Хранители жизней ребят,
Но сучья шипами одежду и ребра
До легких пронзить норовят.

И взводный захаркал гортанью пробитой,
Но с кровью прорвался ОМОН!
И символом чести над кружкой со спиртом
Лежит федеральный погон.

А очи России прозреют не скоро –
Над сотней погибших из ста
Победным огнем и оплаканной скорбью
Висит Плащаница Христа.

СНАЙПЕР

Это крест – воевал на Кавказе.
И везенье, что выжил и цел.
Сквозь прицел выполнял я приказы,
Это значит – и жил сквозь прицел.
В перекрестье лова силуэты,
Нажимал на когтистый курок,
И в сырое ущелье планеты
Кто-то делал последний нырок.
Я лежал без движенья на месте
(Сколько нас на засидках слегло!)
Снайпер знает: в другом перекрестье
Сквозь прицел кто-то ищет его.
Это крест – что не крикнул ни разу:
Не дай Бог, если шорох и треск.
Это крест – выполняешь приказы...
И до смерти несешь этот крест.

На отдаленном чердаке
Уже поставили растяжку,
И жесткий провод на чеке
Не даст спасительной поправки.
Пусть невидимка у окна
Теперь посмеет появиться –
На чердаке стрелку хана,
Взлетит к чертям двурукой птицей.
Он нас неделю напрягал
Из перекошенного сруба,
Не то дразнил, не то играл –
Пальнет и смоеся оттуда.
И мы не дремлем до утра,
Впиваясь в ночь с другого края...
Сучара, где же ты? Пора.
Давай. Сегодня поиграем.
И ослепительным огнем
В глухую темноту ворвался
Чердачный взорванный проем.
Какую злодею – отыгрался.
Но нараспашку грудью вверх
Лежал мальчишка с автоматом:
Играл в войну, играл за тех,
Кто проклят был солдатским матом.

Уступ горы, красивый дом,
И во дворе старик с бородкой –
Седой, услужливый и кроткий...
Вот так – идилия кругом
Без затаившихся врагов,
И дедушка совсем не в теме,
Кто выстроил кирпичный терем
Руками пригнанных рабов.
И напряженно автомат
Глядит стволом за каждый угол,
А в печке мирно тлеет уголь –
Старик ни в чем не виноват.
Он очень стар и очень сед.
В его словах – и мед, и мирра:
Аллах велик, идите с миром!
...И незаметно плюнул вслед.
С шайтаном я теперь знаком:
В глазах – любовь, в кармане – дуля.

Щелчком прикончил бы дедулю,
Да за него стеной закон.

Вот на экране ваххабит –
Уже не действующий козырь:
По уши бородой обвит,
С которой мухи лезут в ноздри.
Ввалились мертвые глаза –
Он был и на экране страшен.
Но объектив не показал,
Как мухи ползают по НАШИМ,
Кому без нужных директив
За кадром оптика не рада,
Кто хриплым вдохом заплатил
За душу «Черного араба».
Слова, слова... Ядрена мать!
И самому себе противно.
Тут не словами надо рвать,
А безрассудочно – не тротилом.

Он не сказал ни слова про Чечню,
Был молчалив и явно сдержан с теми,
Кто, изучая в кабаке меню,
Предпочитает «полевые» темы.

Он не сказал, что мог сойти с ума
Когда увидел, что по ним палили
Славянские отряды мусульман,
Не понимая, как же их купили.

Он не сказал ни слова про гарем,
Который в сделке предлагали первым,
Чтобы мужчина телом не старел,
Продав себя, Отечество и веру.

Он не сказал... Молчал и про Христа –
Не стоило кощунствовать из мести,
И с шеи неприкаянно свисал
На простеньком гайтане медный крестик.

Он не сказал, но не считал фигурей...
И бил по прошлому прямой наводкой,
Сжимая огрубевшей пятерней
«Литровую», заряженную водкой.

Мой дед погиб под Старой Руссой
В нещадном Дёмино котле
Среди лесов, болот и гнуса
Во тьме войны – кровавой тьме.

Там с сорок первого и далее
Был каждый лист подошвой смят,
И на свинец солдат кидали,
Как на заклятие ягнят.

Скрипели гусеницы танков,
Кромсая ребра под собой –
Не все безвестные останки
В могилы собраны судьбой.

И на болотах в топком иле,
В желе, где сгинет даже бес,
До сей поры находят «Илы»,
Огнем упавшие с небес.

Порой без смертных медальонов,
В которых выржавел металл,
С землей сроднились миллионы.
А впрочем, кто тогда считал?!

И дед погиб – осталась дата.
Среди бесчисленных имен
Стоит лишь памятник солдату,
Который в яме погребен.

Он смерть нашел в деревне брэнной.
Деревня! Думал ли о ней?
Поставьте памятник деревне,
Как рудименту наших дней.

Поставьте памятник Отчизне –
Ее великий голос смолк
В чужеголосье сытой жизни,
Не признающей слова ДОЛГ.

Нам Бог – судья! Живем в искусе,
Но я – не спившийся мужик.
И буду помнить в Старой Руссе
Клочок земли – там Русь лежит.

29 МАРТА

Метро в то утро обрело
Сыграть с судьбой в орлянку –
В тот миг я был недалеко
В подземке от Лубянки,
Где наследивший март пропах
Косметикой и потом,
А люди утром второпях
Толпились на работу.
И многих было не спасти,
Когда вблизи две шкуры
Рванули на себе пластид
С нарезкой арматуры.
Уже который раз Москву

Пронзил кавказский коготь –
В котрый раз в моем мозгу
Осколки, кровь и копать.
И разболевшийся висок
При жизни пахнет гнилью –
Мы ходим все на волосок
От собственной могилы.
Лишь эскалатору легко
Тянуть на выход лямку.
Я знаю... Был недалеко
В подземке от Лубянки.

Мну в кармане последнюю сотню
На Тверской у съестного ларька
У какой-то глухой подворотни,
Где стекает вода с козырька.
Пахнет затхлой кирпичной утробой,
Уводящей в запущенный двор.
А в ларьке за стеклом – бутерброды
И горячий «кофейный» раствор.
Постою, пожую и исчезну,
Затерявшись в снующей толпе.
И запомнится мне, если честно,
Только то, что запомнить хотел,
Что от сердца куском откололось:
Подворотня и в ней пустота,
Словно жизнь провалилась в колодец.
А вокруг суета, суета...
Среди лиц – и простецких и ушлых –
Мой порыв в неумной тщете,
Как осколок эпохи минувшей
В современном рекламном щите.

Скоро пенсия. Скоро, вроде...
Но морщины лицо сомнут,
И бюджет в пенсионном фонде
Разворуют за пять минут.

То дефолт, то особый случай
Проверяют хребет на сгиб –
От бодряги не станет лучше,
Даже если втирать в мозги.

От реформы – шаги до гроба.
Сомневаюсь, что доживу
До бесплатного бутерброда –
Это русское дежавю.

Верить хочется, но не верю
В благодушие бытия...
Горделиво закрою двери,
За которыми только я.

И пошлю все надежды к черту –
Прометей не порвал оков.
Нате, клюйте мою печенку –
Что мне пенсия от божков.

Попутчица Наташа
В машине у меня –
Случайна встреча наша
На трассе среди дня.

Я в личном тарантасе,
В футболке, налегке –
Она же в черной рясе,
В заношенном платке.

И обувь в том же стиле –
Раскрас черней угля.
Мы разные такие –
Как небо и земля.

В истрепанной котомке
Запасов вкусных нет.
Моя душа – потемки.
Ее – лучистый свет.

Глаза девчонки краше,
Но разве в этом суть?
Послушница Наташа
Далекий держит путь.

За кованым засовом
Ворот монастыря
Она, конечно, скоро
Забудет по меня.

Моя земная чаша...
Я – отлетевший лист.
Ты за меня, Наташа,
Тихонько помолись.

Паровозик старенький
С нагревным котлом
На далекой станции
Резали на лом.
Черный корпус с номером,
На носу звезда...
Нет, еще не помер он,
Раз бежит слеза.
Только стыки влажные
И систему вен
Расчленяет заживо
Хищный автоген.
И не встать, сердечному,
Ошкурив металл,
Экспонатом вечности
В рост на пьедестал.
Сгинет хламом вскоре он,
Угольный пигмей –
Расчленят историю
Автогеном дней.

Он вдруг мелькнул за поворотом –
Погост над сгорбленной скалой,
Где невелик земельный слой,
Но все же саван для кого-то.

И диковато стало мне:
Тут ни домов, ни полустанка.
Лишь неизвестные останки
Людей, проживших на Земле.
Людей, не видевших Парижа,
Берлина... Может, и Москвы.
Не обращавшихся на «вы»
И не стремившихся к престижу.
Им не бывать уже нигде.
Кресты и звезды вперемешку
Тяют невольную усмешку
Над слепотой живых людей.

На застуженном просторе
У подножья вечных скал,
Предаваясь Божьей воле,
В колыбели спит Байкал.
Око грозное закрыто
Льдистым веком зимних чар –
И ресницы в снеге рыхлом
Плотно елями торчат.
Скалы дыбятся базальтом,
Укрощая снежный шторм,
Но пурга с таким азартом
Гложет их беззубым ртом.
Впрочем, что ему метели –
Символ жизни суетной?
Спит Байкал в своей постели,
Погруженный в шар земной.